

Чарльз
КОЛЛИНЗ
(1824-1889)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Чайки
КОЛИНЗ

Лунной камень

Роман. Повесть

Москва

ЭКСМО
2014

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К 60

Перевод с английского *М. Шагинян, Н. Кротовской*

Разработка серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В коллаже на обложке использованы
репродукции работ художников *Карла Йозефа Бегаса,*
Валентина Кэмерона Принсена и *Фредерика Гудолла*

Коллинз, Уилки.

К 60 *Лунный камень* : роман, повесть / Уилки Коллинз ;
[пер. с англ. : М. Шагинян, Н. Кротовской]. — Москва :
Эксмо, 2014. — 608 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-76316-0

Идеи и сюжетные ходы Уилки Коллинза из романа «Лунный камень» использовали Конан Дойл, Гилберт Честертон, Агата Кристи, многое стало классикой для детективного жанра. Итак, индуистский бог Вишну повелел, чтобы «Лунный камень охранялся тремя жрецами день и ночь, до скончания века» и предсказал несчастье тому, кто осмелится им завладеть. Захватывающее продолжение истории — в самом первом и самом лучшем, по словам Томаса Элиота, детективном романе английской литературы.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© М. Шагинян, предисловие, перевод.
Наследники, 2014
© Н. Кротовская, перевод, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-76316-0

ОБ УИЛКИ КОЛЛИНЗЕ

Уильям-Уилки Коллинз родился 8 января 1824 года в Лондоне, в семье известного пейзажиста Уильяма Коллинза. Двенацатилетним мальчиком он вместе с семьей на три года уехал в Италию. Книги его впоследствии отразят эти первые яркие итальянские впечатления. По возвращении в Англию и окончании средней школы, уступая воле отца, Коллинз, подобно множеству английских молодых людей, начинает заниматься «деланием денег» (to make money) на службе в крупной чайной фирме. Но торговля не привлекает его. Влюбленный в Италию по воспоминаниям детства, подогретым чтением Бульвера Литтона, он пишет первый свой рассказ и показывает его отцу. Художник, почувствовав талант в своем сыне, дает ему возможность завершить образование в Линкольн-Инне¹, откуда Уилки Коллинз в 1851 году выходит со званием стяпчего.

Профессия юриста не одному только Уилки Коллинзу, но и множеству других английских писателей дала огромный материал для романов. В Линкольн-Инне Коллинз впервые столкнулся с особенностями английского законодательства, с курьезами его, с устаревшими формами майоратного права. При нем еще был в полной силе и действии так называемый «шотландский брак» со всеми его последствиями. Если венчание происходило в Шотландии, то брак был недействителен в Англии; если влюбленные ехали в Шотландию, останавливались в одной гостинице и проводили ночь под одной крышей — они считались законными мужем и женой. Сколько тем для своего творчества почерпнул Коллинз из этих уродливых проявлений местного права! Тут и «двоеженство», и насильственная

¹ Одна из четырех старинных лондонских корпораций юристов, дававших теоретическую и практическую подготовку своим членам для ведения судебных дел.

связь с нелюбимым и нелюбящим человеком, и несчастная судьба детей, лишенных имени... Каждую из этих коллизий Коллинз разработал в совершенстве и довел до крайней драматической остроты.

В год окончания Линкольн-Инна он встретился с Чарлзом Диккенсом, который был старше его на 12 лет¹. Знакомство это крепнет и в 1853 году переходит в дружбу, которая становится все более и более тесной. Сначала Диккенс и Коллинз совершают совместную поездку в Булонь, Швейцарию и Италию. Потом, в 1855 и 1856 годах, оба они живут в Париже; в 1857 году, после короткой совместной поездки по северу Англии, они пишут вместе книгу «Ленивое путешествие двух досужих подмастерьев». Сохранились письма Диккенса к Коллинзу, необычайно теплые и сердечные, показывающие не только их взаимную привязанность, но и творческое содружество.

В дальнейшем их сердечная связь перешла и в родственную: младшая дочь Диккенса вышла замуж за брата Коллинза.

Встреча с Диккенсом определила жизненный путь Коллинза как романиста. Правда, еще до нее, в 1848 году, он выпустил большой труд — двухтомную биографию своего только что скончавшегося отца. За ней в 1849 году последовал исторический роман «Антонина, или Падение Рима». Но только Диккенс помог ему найти себя в литературе и стать одним из своеобразнейших писателей Англии. Диккенс издает журналы, в которых Коллинз неизменно принимает участие. Ряд лучших романов Коллинза, в том числе «Женщина в белом», появился в журнале «Круглый год» и в других журналах Диккенса. Многие вещи Коллинза были им написаны совместно с Диккенсом, начиная с пьесы «Маяк», имевшей огромный успех; пролог к ней принадлежит перу Диккенса. Об этом говорит письмо Диккенса от 14 октября 1862 года. Узнав, что друг его плохо себя чувствует (Коллинз с самой юности был слабого здоровья и часто хворал), Диккенс с трогательной заботливостью предлагает приехать и помочь ему в работе.

Коллинз не раз принимал участие в театральных затеях Диккенса, ставил у него в доме пьесу для детей. В Париже он на-

¹ Чарлз Диккенс родился в 1812 году и умер в 1870 году, на девятнадцать лет раньше Уилки Коллинза.

писал драму «Замерзшая глубина» («Frozen Deep»), в постановке которой участвовал и Диккенс. Сохранилась длинная программа первого спектакля, где среди участников значатся два мистера Чарлза Диккенса, отец и сын. По собственному признанию Диккенса, замысел «Повести о двух городах» зародился у него в то время, как он играл в этой пьесе. Таким образом, характерная для Коллинза напряженная драматическая коллизия нашла свое отражение и в творчестве Диккенса.

Начиная с 1860 года выходят из печати один за другим романы Уилки Коллинза. Они имеют успех не только среди широкой публики — у них появляются поклонники среди мастеров искусства, серьезные и постоянные читатели из среды ученых.

За «Женщиной в белом» (1860) — страшной историей о «незаконнорожденном» — последовали: «Без имени» (1862) — о последствиях «шотландского брака», первый вариант этой темы; «Армэдель» (1866) — о влиянии «наследственности» и «роковой женщины» на судьбу человека; «Лунный камень» (1866); «Муж и жена» (1870) — второй вариант темы о «шотландском браке»; «Бедная мисс Финч» (1872) — об успешной операции при слепоте, считавшейся безнадежною; «Новая Магдалина» (1873) — история проступка и раскаяния «падшей женщины», очень сильный и смелый вызов английскому лицемерию; «Закон и жена» (1875) — повесть о женщине, выступившей на защиту несправедливо обвиненного мужа, и ряд других романов, качество которых с годами заметно снижается, а форма становится все схематичней и безжизненней. После смерти Диккенса Уилки Коллинз все более и более обособляется от общества и замыкается в одиночестве. Умер Уилки Коллинз в Лондоне 23 сентября 1889 года.

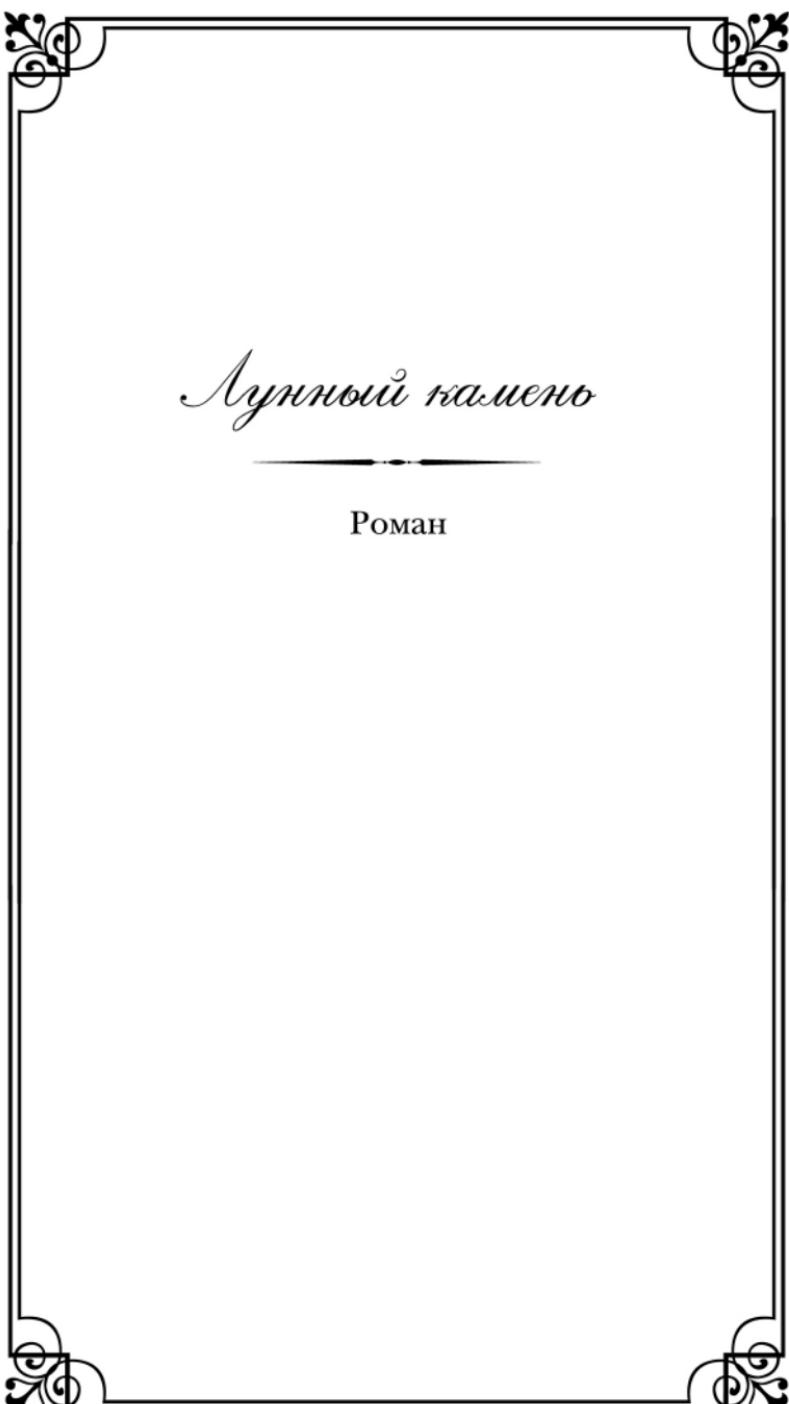
При всей популярности романов Коллинза очень мало было написано о нем самом. Кроме десятка-другого маленьких заметок в словарях, читатель находит лишь несколько страниц о его творчестве в книге Суинберна¹.

¹ Суинберн Алджернон Чарлз (1837 — 1909) — английский поэт.

Уилки Коллинза можно назвать основоположником детективного романа в Англии.

«Лунный камень» был знаком русскому дореволюционному читателю в двух переводах 80-х и 90-х годов. Эти старые переводы не точны, содержат сознательные искажения и значительные пропуски. В основу нашего перевода взят последний из них, вышедший в качестве приложения к журналу «Северное сияние» в 90-х годах прошлого века. Он был мною сличен с английским изданием «Лунного камня» Таухнитца «Wilkie Collins «The Moonstone» in two volumes. Bernard Tauchnitz (1868)», являющимся точной копией первого лондонского издания 1866 года. В результате пришлось его в корне переработать и восстановить около 80 пропущенных мест. Таким образом, читателю предлагается уже новый перевод, с сознательно сохраненной мной от прежнего лишь некоторой старомодностью синтаксиса, соответствующей английской речи 60-х годов прошлого века.

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

Лунный камень

Роман

Пролог

ШТУРМ СЕРИНГАПАТАМА

1799

Письмо из фамильного архива

Пролог

I

Япишу эти строки из Индии к моим родственникам в Англию, чтобы объяснить, почему я отказал в дружеском рукопожатии кузену моему, Джону Гернкастлю. Молчание мое по этому поводу было ложно истолковано членами нашего семейства, доброго мнения которых я не хочу лишиться. Прошу их отложить свои выводы до тех пор, пока они не прочтут мой рассказ. Даю честное слово, что напишу строгую и безусловную истину.

Тайное разногласие между мной и моим кузеном возникло во время великого события, в котором участвовали мы оба, — штурма Серингапатама под командованием генерала Бэрда 4 мая 1799 года.

Для того чтобы обстоятельства были вполне понятны, я должен обратиться к периоду, предшествовавшему осаде, и к рассказам, ходившим в нашем лагере о драгоценных каменьях и грудах золота, хранившихся в серингапатамском дворце.

II

Один из самых невероятных рассказов относится к жeltому алмазу — вещи, знаменитой в летописях Индии.

Стариннейшее из преданий гласит, что камень этот украшал чело четверорукого индийского бога Луны. Отчасти по своему особенному цвету, отчасти из-за легенды — будто камень этот подчиняется влиянию украшае-

мого им божества и блеск его увеличивается и уменьшается с полнолунием и с ущербом луны — он получил название, под которым и до сих пор известен в Индии, — Лунного камня. Я слышал, что подобное суеверие некогда имело место и в Древней Греции, и в Риме, относясь, однако же, не к алмазу, посвященному божеству (как в Индии), а к полупрозрачному камню низшего разряда, подверженному влиянию луны и точно так же получившему от нее свое название, под которым он и доныне известен минералогам нашего времени.

Приключения желтого алмаза начинаются с одиннадцатого столетия нашей эры.

В ту эпоху магометанский завоеватель Махмуд Газни вторгся в Индию, овладел священным городом Сомнатх и захватил сокровища знаменитого храма, несколько столетий привлекавшего индийских богомольцев и почитавшегося чудом Востока.

Из всех божеств, которым поклонялись в этом храме, один бог Луны избег алчности магометанских победителей. Охраняемый тремя брахманами, неоскверненный идол с желтым алмазом во лбу был унесен и переправлен во второй по значению священный город Индии — Бенарес.

Там, в новом кипище — в чертоге, украшенном драгоценными каменьями, под сводами, покоящимися на золотых колоннах, был помещен бог Луны, ставший вновь предметом поклонения. В ночь, когда кипище было достроено, Вишну-зиждитель явился во сне трем брахманам. Он вдохнул свое дыхание в алмаз, украшавший чело идола, и брахманы пали перед ним на колена и закрыли лицо одеждой. Вишну повелел, чтобы Лунный камень охранялся тремя жрецами день и ночь, до скончания века. Брахманы преклонились перед божественной волей. Вишну предсказал несчастье тому дерзновенному, кто осмелится завладеть священным камнем, и всем его потомкам, к которым камень перейдет после него. Брахманы велели записать это предсказание на вратах святилища золотыми буквами.

Век проходил за веком, и из поколения в поколение преемники трех брахманов день и ночь охраняли драгоценный Лунный камень. Век проходил за веком, пока в

начале восемнадцатого столетия нашей эры не воцарился Аурангзеб, из династии Великих Моголов. По его приказу храмы поклонников Брамы были снова преданы грабежу и разорению, капище четверорукого божества осквернено умерщвлением священных животных, идолы разбиты на куски, а Лунный камень похищен одним из военачальников Аурангзеба.

Не будучи в состоянии возвратить свое потерянное сокровище силой, три жреца-хранителя, переодевшись, следили за ним. Одно поколение сменялось другим; воин, совершивший святотатство, погиб ужасной смертью. Лунный камень переходил, принося с собой проклятье, от одного незаконного владельца к другому, и, несмотря на все случайности и перемены, преемники трех жрецов-хранителей продолжали следить за своим сокровищем, в ожидании того дня, когда воля Вишну-зиждителя возвратит им их священный камень. Так продолжалось до последнего года восемнадцатого столетия. Алмаз перешел во владение Типпу, серингапатамского султана, который вделал его как украшение в рукоятку своего кинжала и хранил среди драгоценнейших сокровищ своей оружейной палаты. Даже тогда — в самом дворце султана — три жреца-хранителя тайно продолжали охранять алмаз. В свите Типпу находились три чужеземца, заслужившие доверие своего владельца, перейдя (может быть, притворно) в магометанскую веру; по слухам, это-то и были переодетые жрецы.

III

Так рассказывали в нашем лагере фантастическую историю Лунного камня. Она не произвела серьезного впечатления ни на кого из нас, кроме моего кузена, — любовь к чудесному заставила его поверить этой легенде. В ночь перед штурмом Серингапатама он самым нелепым образом рассердился на меня и на других за то, что мы назвали ее басней. Возник глупейший спор, и злосчастный Герн-кастль вышел из себя. Со свойственной ему хвастливостью он объявил, что если английская армия возьмет Се-

рингапатам, то мы увидим алмаз на его пальце. Громкий хохот встретил эту выходку, и тем дело и кончилось, как думали мы все.

Теперь позвольте мне вернуться ко дню штурма.

Кузен мой и я были разлучены при самом начале приступа. Я не видел его, когда мы переправлялись через реку; не видел его, когда мы водрузили английское знамя на первом проломе; не видел его, когда мы перешли через ров и, завоевывая каждый шаг, вошли в город. Только в сумерки, когда город был уже наш и генерал Бэрд сам нашел труп Типпу под кучей убитых, я встретился с Гернкастлем.

Мы оба были прикомандированы к отряду, посланному, по приказанию генерала, остановить грабежи и беспорядки, последовавшие за нашей победой. Солдаты предавались страшным бесчинствам, и, что еще хуже, они прорвались в кладовые дворца и разграбили золото и драгоценные каменья. Я встретился с моим кузеном на дворе перед кладовыми, куда мы пришли для того, чтобы вдоворить дисциплину среди наших солдат. Я сразу увидел, что пыткий Гернкастль до крайности возбужден ужасной резней, в которой нам пришлось принять участие. По моему мнению, он был не способен выполнить свою обязанность.

В кладовых было много смтения и суматохи, но насилия я еще не видел. Солдаты бесславили себя очень мирно, если можно так выразиться. Стоило грабежу утихнуть в одном месте, как клич: «А кто нашел Лунный камень?» — заставлял его вспыхнуть в другом месте. Пока я тщетно старался восстановить порядок, послышался страшный вопль на противоположном конце двора, и я тотчас побежал туда, опасаясь какого-нибудь нового бесчинства.

Я подошел к открытой двери и наткнулся на тела двух мертвых индусов, лежащие на пороге. (По одежде я узнал в них дворцовых офицеров.)

Раздавшийся снова крик заставил меня поспешить в помещение, которое оказалось оружейной палатой. Третий индус, смертельно раненный, бился в предсмертной судороге у ног человека, стоявшего ко мне спиной. Человек этот обернулся в ту минуту, когда я входил, и я увидел

Джона Гернкастля с факелом в одной руке и с окровавленным кинжалом — в другой. Когда он повернулся ко мне, камень, вделанный в рукоятку кинжала, сверкнул, как огненная искра. Умирающий индус поднялся на колени, указал на кинжал в руках Гернкастля и, прохрипев на своем родном языке: «Проклятие Лунного камня на тебе и твоих потомках!» — упал мертвый на землю.

Прежде чем я успел что-нибудь сделать, солдаты, следовавшие за мной, вбежали в палату. Кузен мой как сумасшедший бросился к ним навстречу.

— Очистите помещение, — закричал он мне, — и поставьте у дверей караул!

Когда Гернкастль бросился на солдат с факелом и кинжалом, они отступили. Я поставил двух верных людей из моего отряда на часы у дверей. Всю остальную часть ночи я уже не встречался с моим кузеном.

Рано утром грабеж все еще продолжался, и генерал Бэрд публично объявил, что всякий вор, пойманный на месте преступления, кто бы он ни был, будет повешен. Присутствие начальника военной полиции доказывало, что генерал Бэрд не шутит; и в толпе, слушавшей этот приказ, я снова встретился с Гернкастлем.

Здороваясь, он, по обыкновению, протянул мне руку.

Я не решился подать ему свою.

— Ответьте мне прежде, — сказал я, — кто убил индука в оружейной палате и что значили его последние слова, когда он указал на кинжал в вашей руке?

— Индус умер, я полагаю, от смертельной раны, — ответил Гернкастль. — А что означали его последние слова, я знаю так же мало, как и вы.

Я пристально посмотрел на него. Ярость, владевшая им накануне, совершенно утихла. Я решил дать ему возможность оправдаться.

— Вы ничего более не имеете сказать мне? — спросил я.

Он отвечал:

— Ничего.

Я повернулся к нему спиной, и с тех пор мы больше не разговаривали друг с другом.